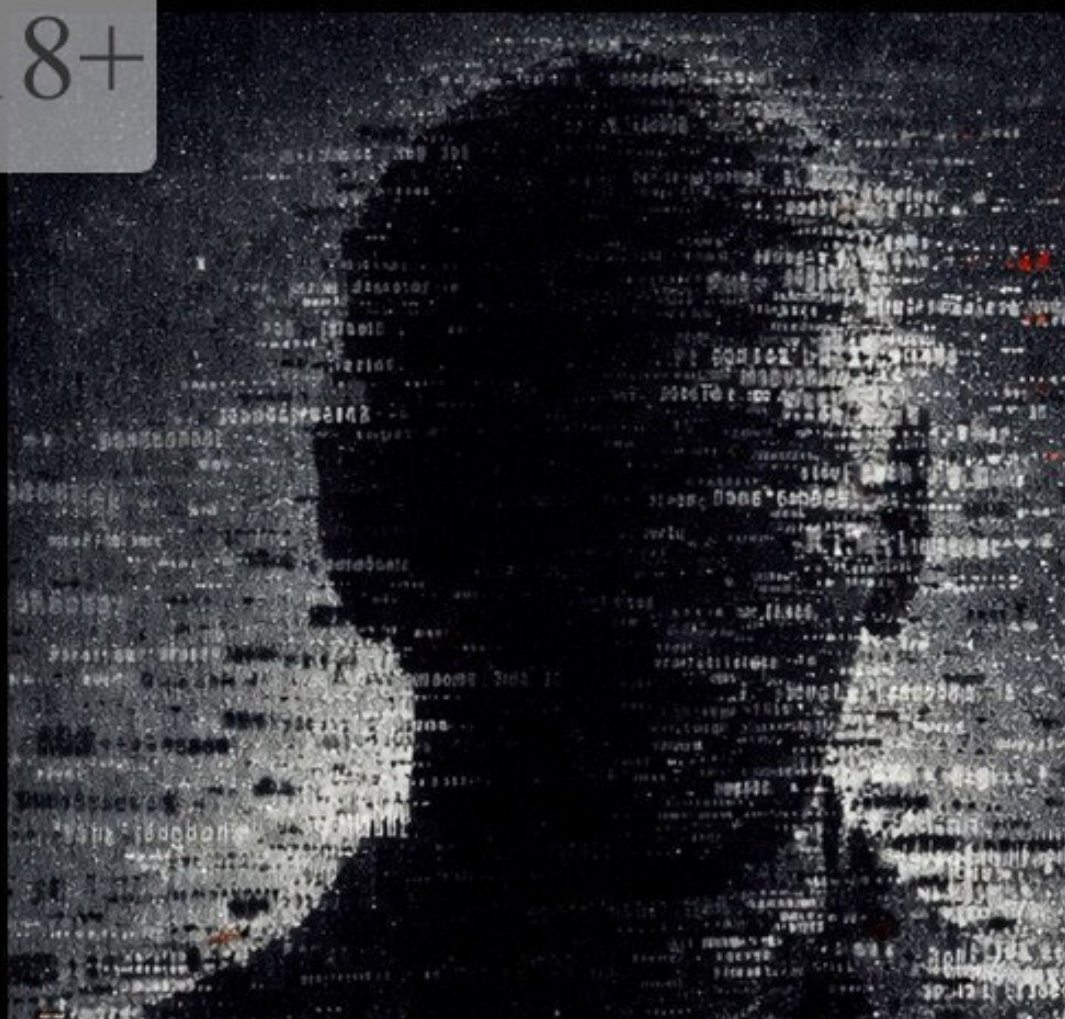

18+

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАРРАТОЛОГИЯ

как истории формируют власть и подчинение

Арсен Аветисов

Арсен Аветисов

**Политическая нарратология.
Как истории формируют
власть и подчинение**

«Издательские решения»

Аветисов А.

Политическая нарратология. Как истории формируют власть
и подчинение / А. Аветисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692515-1

Политическая нарратология — это книга о власти историй. О том, как рассказы формируют политическую реальность, подменяют факты, создают врагов и обещают будущее. Она показывает, почему люди подчиняются не силе, а смыслу, как массовые эмоции превращаются в решения и что происходит с личностью внутри коллективных мифов. Эта книга — не о пропаганде, а о понимании. Для тех, кто хочет различать историю и реальность, видеть механику власти и сохранять внутреннюю свободу в мире навязанных рассказов.

ISBN 978-5-00-692515-1

© Аветисов А.

© Издательские решения

Содержание

Благодарность	6
От автора	7
Предисловие	8
ЧАСТЬ I. ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ	11
Вступление	11
Глава 1. Что такое политический нарратив	13
Глава 2. Нарратив – не программа и не идеология	16
Глава 3. Политика как конкуренция историй	19
Глава 4. Почему факты проигрывают рассказам	22
Глава 5. Коллективное «мы» как главный персонаж	25
Глава 6. Кто включён и кто исключён	28
Глава 7. Язык, символы и память	31
Глава 8. Национальная история как сюжет	34
Глава 9. Время в политическом нарративе	37
Глава 10. Почему политика неизбежно нарративна	40
ЧАСТЬ II. МЕХАНИКА ВЛАСТИ	43
Вступление	43
Глава 11. Легитимность: почему подчиняются	45
Глава 12. Когда власть теряет право на рассказ	48
Глава 13. Образ будущего как главный ресурс	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Политическая нарратология Как истории формируют власть и подчинение

Арсен Аветисов

Редактор Григорий Аттарян

© Арсен Аветисов, 2026

ISBN 978-5-0069-2515-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность

Эта книга написана благодаря политике – в том виде, в каком она существует на практике, а не в теории. Она написана благодаря политикам и их способности превращать сложные проблемы в простые истории, их умению называть необходимость судьбой, ошибкой – этапом, а отсутствие решения – ответственным молчанием.

Политические деятели редко рассматривают себя как рассказчиков. Но именно они ежедневно переписывают реальность, наделяя одни слова весом, другие – подозрением, а третьи – правом не быть произнесёнными. Через их паузы, объяснения и умолчания формируются нарративы, в которых решения становятся допустимыми, ограничения – необходимыми, власть – воспринимаемой, а подчинение – осмысленным.

Эта книга далеко не о намерениях. Она о последствиях. Политика представлена в ней как пространство интерпретаций: повествований о прошлом, настоящем и будущем, в которые предлагается верить и в которых люди оказываются персонажами раньше, чем успевают задать вопрос о своей роли в этом сюжете.

Наблюдение за тем, как одни истории закрепляются, другие маргинализируются, а третьи объявляются немыслимыми, послужило основным эмпирическим материалом для этой работы.

Эта книга не ставит целью оценку конкретных фигур и не занимается разоблачением мотивов. Её предмет – нарративы, в которых власть перестаёт ощущаться как власть и начинает восприниматься как реальность. В этом смысле политика в книге не объект критики, а источник знания.

Если эта книга кажется кому-то неудобной – значит, она выполняет свою задачу.

От автора

Человек всегда жил внутри историй, но редко задумывался, кто именно их рассказывает.

Мы любим думать, что политика – это цифры, программы, экономические расчёты, балансы сил. На самом деле политика начинается гораздо раньше – в тот момент, когда кто-то впервые произносит: «Мы», «Они», «Так было», «Так должно быть», «Другого выхода нет».

Общество живёт в нарративах. Политика живёт в мифах. А свобода начинается там, где мы понимаем разницу.

Эта книга – логическое продолжение предыдущих. В «Теории нарратологии» я писал о том, что нарратив – это способ, которым человек связывает разрозненные события в осмысленную реальность. Истории – это не отражение мира, а формы, в которые мир упаковывается, чтобы стать программами для наших действий и мышления. Я писал о том, что наша идентичность – это не набор качеств, а связный рассказ, который мы ведём о себе.

В «Прикладной нарратологии» я показал, что с этими историями можно работать: переписывать, уточнять, делать их осознанными. Что нарратив – не абстракция, а инструмент жизни. Мы говорили о том, как человек либо выстраивает собственный нарратив, либо незаметно живёт внутри чужого. И что прикладная нарратология далеко не теория, а профессия настоящего.

В книге «Французский нарратив» фокус сместился с отдельного человека на культуру, образ жизни. Я показал, как общество может удерживать сложное равновесие между свободой и общностью, стилем и сопротивлением, удовольствием и ответственностью. Как нарративы могут поддерживать жизнь и придавать ей вкус и смысл.

Эта книга делает следующий шаг. Эта книга о моменте, когда чужая история становится обязательной. Она о том, что происходит, когда нарратив перестаёт быть личным или культурным и становится политическим. Когда история начинает говорить от имени миллионов. Когда страх, надежда и образ будущего превращаются в инструмент власти.

Политическая нарратология – это не наука о манипуляции или природе диктатур. Это наука о понимании: почему люди подчиняются, почему выходят на площади, почему верят, почему ненавидят, и почему иногда отдают свою жизнь за чьи-то слова.

Эта книга написана не для того, чтобы научить управлять массами или завладеть их сознанием. А для того, чтобы научиться не терять себя, когда история становится убедительней фактов.

Предисловие

Там, где истории становятся властью

Политика – это борьба за **право объяснять происходящее**.

Кто назовёт кризис кризисом, а кто – необходимым этапом. Кто скажет «враг», а кто – «угроза». Кто пообещает будущее, а кто – стабильность вместо будущего. Кто превратит страх в мобилизацию, а сомнение – в предательство.

Факты в политике существуют. Факты никогда не живут сами по себе. Факт без истории – нем. История без фактов опасна. Но именно истории побеждают.

Человек не может жить в голом наборе данных. Человеку нужен смысл. Даже если этот смысл разрушителен.

Государства распадаются не тогда, когда у них заканчиваются ресурсы, а тогда, когда перестаёт работать рассказ, объясняющий, **почему эти ресурсы вообще имеют смысл**. Революции начинаются не с лозунгов и баррикад, а с ощущения, что официальная версия реальности больше не описывает переживаемый опыт. Власть удерживается силой и законами, но прежде всего – **правом на сюжет**: правом определять, что было, что есть и что должно быть.

Эта книга о политической нарратологии – попытка описать политику не как совокупность институтов, процедур и решений, а как пространство конкурирующих историй. Историй о прошлом, которые легитимируют настоящее. Историй о будущем, которые оправдывают жертвы сегодня. Историй о «нас» и «о них», о героях и предателях, о спасении и катастрофе.

Современная политическая аналитика часто исходит из предположения, что политика – это борьба интересов, ресурсов и рациональных стратегий. В этой логике нарративы считаются вторичными: украшением, пропагандой или манипуляцией, накладывающейся на «реальную» материальную основу.

Однако последние десятилетия показывают обратное. Факты перестали быть самодостаточными. Данные не убеждают без интерпретации. Рациональные аргументы не работают без включения в более широкую историю, которая придаёт им смысл.

Политическая реальность всё чаще существует как переживаемый сюжет. Люди действуют потому что этот сюжет вписывается в их представление о мире, подтверждает коллективную идентичность, объясняет их тревогу и неопределённость.

Именно здесь возникает необходимость политической нарратологии.

Коллективное «мы» как иллюзия и как сила

Самый сильный политический персонаж – не лидер и не партия. Это **коллективное «мы»**. Оно никогда не существует само по себе. Его создают – языком, ритуалами, символами, повторением. Коллективное «мы» всегда воображаемо, но действует вполне реально.

Во имя «мы» люди соглашаются на то, на что никогда бы не пошли поодиночке. Во имя «мы» оправдывается насилие, терпение, молчание, жертвы. Во имя «мы» исчезает «я».

Политическая нарратология начинается с признания простого и неприятного факта: чем сильнее история, тем меньше в ней места для отдельного человека.

Почему эта книга опаснее предыдущих

Теория нарратологии относительно безопасна. Она объясняет механизмы. Прикладная нарратология уже рискованнее. Она даёт инструменты.

Политическая нарратология опасна по определению. Потому что она касается **массового сознания**. А там, где массы, всегда появляется искушение ими управлять.

Эта книга не учит как манипулировать. Но она показывает, **как манипуляции работают**. Знание почти всегда двусмысленно: им можно защититься, и им можно злоупотребить.

Это книга не о «чужих режимах»

Самое удобное заблуждение – считать, что политические нарративы существуют «где-то там». В других странах. В диктатурах. В пропаганде. На самом деле они существуют везде, где есть страх быть исключённым, где есть желание принадлежать, где есть усталость от неопределённости и жажда простых ответов на сложные проблемы.

Демократия отличается от авторитаризма не отсутствием нарративов, а количеством конкурирующих историй и возможностью их оспаривать.

Когда история перестаёт быть предметом обсуждения, она становится инструментом власти.

Отказ от мышления как форма подчинения

Современный человек часто говорит: «Я вне политики». Это звучит как свобода. На деле это форма капитуляции.

Политика не исчезает, когда мы перестаём её осмысливать. Она просто начинает происходить **без нас**.

Отказ от понимания – не нейтралитет. Это передача права интерпретации другим.

Зачем я написал эту книгу

Я не писал её, чтобы разоблачать и, тем более, чтобы поучать. Я писал её потому, что вижу: мы живём в эпоху, где истории распространяются быстрее, чем осознание. Где эмоции обгоняют мышление, где сложность вытесняется удобной простотой.

Книга возникла из ощущения, что человек всё чаще живёт внутри историй, которые не выбирал, не осознавал и не успел проверить. Что его поступки, страхи, надежды и даже язык всё чаще оказываются заранее подготовленными – кем-то другим, для каких — то других целей, в логике, которая не требует согласия, а только участия.

Политическая нарратология – это попытка вернуть человеку способность **видеть форму истории**, а не только её содержание. Эта книга не предлагает очередную универсальную теорию или инструкцию власти. Она предлагает оптику, способ видеть политическую реальность как нарративную конструкцию, которая создаётся, поддерживается, разрушается и пересобирается снова.

Истории останутся

Политические системы рушатся, лидеры уходят или переизбираются: меняются границы. А истории остаются. Они переходят из эпохи в эпоху, меняя слова и лица, но сохраняя структуру.

Вопрос не в том, можно ли жить без нарративов. Уже очевидно, что нельзя.

Вопрос в другом: **«осознаём ли мы историю, внутри которой живём – или эта история живёт нами?»**.

Задачи этой книги

Эта книга ставит перед собой несколько целей:

1. Показать, что нарратив – не побочный продукт политики, а её структурная основа.
2. Описать архитектуру устойчивых политических нарративов.
3. Понять, как нарративы переживают кризисы и почему они разрушаются.
4. Проанализировать появление контрнарративов и их судьбу.
5. Осмыслить, как цифровая среда меняет производство и конкуренцию политических историй.

Как читать эту книгу

Эта книга не требует специальной подготовки в одной конкретной дисциплине и не предлагает читателю готовые ответы. Она предлагает способ смотреть и видеть. И, если после прочтения политические события начнут восприниматься не как хаотический поток новостей, а как элементы конкурирующих историй – цель книги будет достигнута.

Для кого эта книга

Книга адресована тем, кто работает на границе дисциплин: политологам, философам, социологам, исследователям медиа, культурологам, а также всем, кто чувствует, что привычный язык описания политики больше не справляется с происходящим.

ЧАСТЬ I. ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ

Вступление

*Всякое господство стремится пробудить
и поддерживать веру в свою легитимность.*
Макс Вебер

Человечество на самом деле давно занимает один и тот же вопрос: «как не прилагая значительных ресурсов и явного принуждения, объединить и управлять как можно большим количеством людей, сделать их лояльными, вовлечёнными в достижение единой цели?».

Одна из причин, почему это вообще возможно, проста: человек редко действует из «чистой рациональности». Он действует из **интерпретации**.

В 2015 году Всемирный банк, изучая, как психологические и социальные факторы влияют на поведение, заказал доклад «World Development Report 2015: Mind, Society, and Behavior». В нём, среди прочего, зафиксирована тройка факторов, которые системно влияют на решения людей. Во-первых, люди часто думают автоматически: сознание выбирает не «с нуля», а из уже доступных схем и историй. Во-вторых, люди мыслят социально: идентичность, нормы, ожидания группы и страх исключения влияют сильнее, чем принято признавать. И, в-третьих, люди используют ментальные модели – рамки, через которые «видят» мир и себя в нём. Иначе говоря, повествование о мире становится некой рамкой, которая окрашивает картину каждого убеждения и мнения. При этом человек редко живёт в одном-единственном нарративе. Обычно он держится за **систему взаимосвязанных историй**, стараясь сохранить целостность мировоззрения и собственную идентичность.

С этим напрямую связана ещё одна важная закономерность, которую много лет исследовал Пол Слович: **масштабные представления о страдании часто не мобилизуют, а парализуют**. Большая цифра может вызвать не сочувствие, а внутреннее отключение – потому что психика плохо выдерживает абстрактный объём боли.

Фраза, приписываемая матери Терезе – «Если я посмотрю на массу, я никогда не буду действовать. Если я посмотрю на одного человека, я это сделаю» – точно фиксирует тревожный механизм: человеку легче откликнуться на судьбу «одного», чем на судьбу «многих». Поэтому коммуникации, которые показывают единичную фигуру, часто оказываются сильнее коммуникаций, которые показывают статистику.

И здесь мы подходим к политике. Политика держится не только на ресурсах и институтах власти. Она держится на **эмоционально работающих историях**, которые превращают числа в метафоры, а хаос – в картину мира. История способна соединить людей, которые иначе остались бы разобщёнными и она же способна превратить разногласие в войну идентичностей. А самое интересное то, что эмоциональное воздействие в инициативе решений и действий становится важнее осознанного воздействия.

Фредерик Майер в книге «Narrative Politics: Stories and Collective Action» описывает множество случаев, когда именно история становилась решающим фактором коллективного действия. Если рассказывание историй – нить, связывающая группы, то поиск способов работы с этой «технологией» становится первым шагом к объединению тех, кто находится в разногласиях.

Сегодня мир переживает кризис разобщённости. Поляризация растёт, конфликты уплотняются, общие рамки смысла распадаются. Миллионы людей бегут от войны, преследований и климатических угроз, когда другие миллионы продолжают разыгрывать старые драмы взаимных обвинений. И как бы парадоксально это ни звучало, без общего политического нарратива идея общей цели – вплоть до цели выживания цивилизации – становится даже трудно вообразимой.

Общий нарратив не гарантирует гармонии. Но без него общество либо распадается, либо удерживается только принуждением.

Глава 1. Что такое политический нарратив

*Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее. Тот,
кто контролирует настоящее, контролирует прошлое.*
Джордж Оруэлл

*Кто контролирует интерпретацию,
тому не нужно контролировать факты.*
Современная формула власти

Политика начинается не с решений

Мы привыкли думать о политике как о сфере решений: приняли закон, провели реформу, изменили налог, объявили войну, подписали договор. Кажется, что политика – это область действий, а не слов. Но это иллюзия.

Ни одно политическое действие не происходит в пустоте. Ему всегда предшествует рассказ, который делает это действие возможным, допустимым, необходимым или неизбежным.

Прежде чем принять закон, его нужно объяснить.

Прежде чем начать войну, её нужно оправдать.

Прежде чем ограничить свободы, нужно назвать угрозу.

Прежде чем потребовать жертвы, нужно рассказать историю, в которой жертва выглядит осмысленной.

Политика начинается не с решения. Она начинается с интерпретации. Именно эту интерпретацию и называют политическим нарративом.

Что мы называем нарративом и что им не является

В повседневной речи слово «нарратив» часто используют небрежно. Им называют идеологию, пропаганду, лозунги, официальную версию событий, «то, что говорит власть». Но нарратив – это не всё это. И не только это.

Политический нарратив – это не программа действий. Программа отвечает на вопрос «что мы собираемся сделать?» Нарратив отвечает на вопрос «что вообще происходит и кто мы в этом происходящем?».

Политический нарратив – это не идеология. Идеология – это система идей. Нарратив – это история, в которую эти идеи встраиваются, чтобы стать переживаемыми.

Политический нарратив – это не лозунг. Лозунг – это сжатая форма. Нарратив – это структура смысла, в которой лозунг начинает работать.

Можно иметь идеологию без нарратива – и она останется мёртвой. Можно иметь программу без нарратива – и она не будет принята. Можно иметь факты без нарратива – и они не будут услышаны.

Политический нарратив – это **рамка**, внутри которой факты получают значение, эмоции – направление, действия – оправдание.

История как форма реальности

Важно понять одну вещь, которая обычно ускользает. Нарратив – это не украшение реальности. Это **форма, в которой реальность становится переживаемой**.

Человек не может жить в хаосе событий. Он нуждается в последовательности, в причинах, в виновниках, в целях, в смысле происходящего. Политический нарратив выполняет

именно эту функцию: он связывает разрозненные события в **понятную картину мира**, где есть начало, есть угроза, есть герой, есть путь и есть обещание.

Именно поэтому в моменты кризиса нарратив становится важнее решений. Когда мир трещит и готов расколоться, человек прежде всего спрашивает не «что делать?», а «что это всё это значит?»

Почему политика всегда рассказывает истории

Можно ли представить себе политику без историй? Теоретически – да. Практически – нет. Даже самые технократические формы управления опираются на рассказы: о прогрессе, о стабильности, о безопасности, о рациональности, о необходимости.

Когда власть говорит: «Так устроен рынок», «Таковы законы экономики», «Так требуют обстоятельства», она рассказывает историю, в которой ответственность растворяется в безличной необходимости.

Когда оппозиция говорит: «Нас обманули», «У нас украли будущее», «Мы возвращаем страну», она тоже строит историю с жертвой, виновником и обещанием восстановления.

Политика не может не рассказывать, потому что власть нуждается в оправдании, подчинение нуждается в объяснении, жертвы нуждаются в смысле.

Нарратив как конкуренция интерпретаций

Важно сразу отказаться от наивного представления, будто существует **один истинный политический нарратив**. В реальности политика – это всегда **конкуренция историй**.

Одно и то же событие может быть описано как кризис или шанс, поражение или перегруппировка, предательство или необходимость, репрессия или защита, провал или начало пути.

Факты остаются теми же. Меняется история, в которую они встроены. Побеждает не та сторона, у которой «больше правды», а та, чья история эмоционально убедительнее, проще, повторяемое, совпадает с ожиданиями аудитории и снижает тревогу или направляет её.

Почему нарратив сильнее аргумента

Рациональный аргумент требует усилия. История – вовлечения.

Аргумент обращается к логике. Нарратив – к идентичности.

Аргумент можно опровергнуть. Нарратив – нужно сначала разрушить. А это всегда очень болезненно.

Когда человек принимает политический нарратив, он принимает не позицию, а **роль** гражданина, жертвы, борца, защитника, наследника, спасителя.

Спорить с аргументом – нормально. Спорить с историей, в которой ты живёшь, – значит рисковать своей принадлежностью.

Именно поэтому факты так часто проигрывают рассказам. Не потому что люди глупы, а потому что цена отказа от истории своей идентичности слишком высока.

Нарратив как невидимая власть

Самая сильная форма власти – та, которая не ощущается как власть. Политический нарратив работает именно так. Он задаёт, какие вопросы считаются разумными, определяет, что можно обсуждать, а что выглядит «нелепо», формирует границы допустимого сомнения, зараннее маркирует критику как опасную или безответственную.

Когда нарратив устойчив, власть может почти не вмешиваться. Люди сами объясняют происходящее, оправдывают ограничения, воспроизводят язык, наказывают отклонения.

В этот момент политика перестаёт быть внешней. Она становится внутренней.

Почему понимание политического нарратива необходимо

Изучать политические нарративы – не значит становиться циником. Это значит возвращать себе способность видеть форму. Человек, который не различает историю и реальность, становится её функцией.

Человек, который видит нарратив, получает шанс не раствориться в коллективном «мы», удержать дистанцию, сохранить внутренний голос, распознавать моменты манипуляции.

Политическая нарратология начинается не с разоблачения других, а с наблюдения за тем, **в какой истории находитесь вы сами.**

И именно с этого – с определения политического нарратива – мы и будем двигаться дальше.

Глава 2. Нарратив – не программа и не идеология

*История не подчиняется никакой единой логике.
Исайя Берлин*

Ошибка, которую совершают почти все

Когда люди говорят о политике, они почти всегда путают три разных уровня: нарратив, идеологию, программу. Эта путаница кажется безобидной, но именно она делает человека уязвимым.

Программа отвечает на вопрос «что делать?», идеология – «почему?», нарратив – «кто мы и что с нами происходит?». Именно поэтому политические дискуссии так часто выглядят бессмысленными: люди спорят на разных уровнях, не осознавая этого.

Один говорит языком цифр. Другой – языком ценностей. Третий – языком историй. И выигрывает почти всегда третий.

Программа: список действий без души

Политическая программа – это набор обещаний и мер: снизить налоги, повысить выплаты, реформировать систему, улучшить показатели, оптимизировать процессы.

Программа отвечает на вопрос: **«Что мы собираемся делать?»**. Она может быть логичной, продуманной, экономически обоснованной, даже полезной. Но сама по себе программа **никогда не мобилизует**.

Потому что программа не отвечает на главные человеческие вопросы: кто мы? почему с нами это происходит? что это значит для меня лично? на чьей я стороне?

Программа – это технический документ. Человек – не техническое существо.

Идеология: система идей без тела

Идеология – следующий уровень. Это ценности и принципы, представления о правильном и неправильном и модель желаемого общества. Идеология отвечает на вопрос: **«Во что мы верим?»**. Но и здесь есть предел. Идеология абстрактна. Она требует перевода на язык жизни.

Люди редко готовы умирать за формулу, терпеть за абстракцию, жертвовать ради схемы.

Идеология начинает работать только тогда, когда она **встроена в историю**, где есть прошлое, настоящее, враг, цель, путь. Без нарратива идеология остаётся книгой на полке. С нарративом она становится судьбой.

Нарратив: то, внутри чего живут

Нарратив – это не набор идей и не план действий. Нарратив – это **картина мира**, в которой программа кажется необходимой, идеология – естественной, жертвы – оправданными, сомнения – опасными.

Он отвечает не на вопрос «что?» и не на вопрос «почему?», а на более глубокий вопрос: **«Что вообще происходит и какое место в этом занимаю я?»**.

Нарратив не доказывает. Он **объясняет**. Не убеждает логически. А делает реальность узнаваемой.

Почему лозунг – это не нарратив

Часто кажется, что нарратив – это просто удачный лозунг. Это ошибка. Лозунг – это **сжатый фрагмент** нарратива, а не он сам. Он работает только потому, что уже существует история, уже определены роли, уже понятен контекст.

Без нарратива лозунг выглядит пустым, раздражает, вызывает недоверие.

Фраза «вернём страну» не значит ничего, если заранее не рассказано у кого её отняли, когда, почему и кому именно её нужно вернуть.

Почему люди думают, что верят в идеи

Большинство людей искренне считают, что они поддерживают ту или иную политическую позицию **из-за идей**. На самом деле чаще всего они поддерживают **историю**, в которой они выглядят хорошими, их страхи объяснены, их злость легитимирована, их надежда оформлена. Идеи приходят позже – как оправдание.

Человек сначала чувствует, а потом объясняет себе, почему это разумно. Нарратив делает это объяснение возможным.

Как нарратив делает идеологию «естественной»

Самая опасная форма идеологии – та, которую не называют идеологией. Когда ценности подаются не как выбор, а как здравый смысл, очевидность, единственно возможный взгляд.

Нарратив работает именно так. Он не говорит: «Вот наша идеология». Он говорит: «Так просто устроен мир». Нарратив не обязательно проговаривается целиком. Чаще он существует как фон, как неявная структура смысла, внутри которой отдельные события становятся понятными и значимыми.

Именно поэтому нарратив незаметен, трудно оспариваем, эмоционально защищён.

Спор с идеологией – это спор о ценностях. Спор с нарративом – это спор с самой реальностью, в которой человек живёт.

Почему программы меняются, а нарративы – нет

История политики полна примеров резких перемен: отказ от обещаний, смены курса, противоречивых и неожиданных решений. Но нарратив может сохраняться десятилетиями.

Потому, что программа – это инструмент, идеология – это язык, нарратив – это **идентичность**.

Власть может менять меры, но если она сохраняет историю, люди продолжают верить. Когда же нарратив рушится, никакая программа уже не спасает.

Опасная иллюзия рационального выбора

Современный человек любит думать о себе как о рациональном избирателе. Он читает цифры, аналитиков, сравнения. Но в решающий момент он голосует не за программу и даже не за идеологию. Он голосует за **историю**, в которой ему понятно, кто он и за что.

В 1983 году в разгар рецессии некоторые компании из списка Fortune 500 пытались убедить своих сотрудников и потенциальных клиентов в том, что они даже в трудные времена искренне заботятся о их благополучии. Вопреки традиционной деловой практике, на фоне ужесточения мер в других областях, эти компании сохраняли штат сотрудников. И это считается мудрой стратегией.

Когда экономика восстанавливается после спада, компании, которые не сокращают персонал имеют больше возможностей для наращивания темпов роста и захвата доли рынка. Единственная проблема с этой стратегией заключалась в том, что большинство сотрудников не верили их заявлениям. Слишком много людей было уволено слишком много раз в других компаниях, чтобы думать, что то же самое не является неизбежным и в их компании.

Мартин и Пауэрс хотели выяснить, какая стратегия лучше всего поможет преодолеть эту волну скептицизма. Они сравнили четыре подхода. В одной группе использовали просто историю. Во второй – они предоставили статистические данные, подтверждающие утверждение. Третья группа получила статистические данные и историю. Четвертая – удостоилась политического заявления, произнесенного старшим руководителем компании.

Вы уже догадались, какой метод сработал лучше всего? Большинство людей, с которыми делились этим исследованием, склонны выбирать третий вариант – историю, сопровождаемую данными. Но они были неправы.

Просто история была самым убедительным вариантом. Хотя это и противоречит рациональному уму. Оказывается, даже числа мешают принять людям новое поведение или убеждения. Лучшие истории это те, которые обходят требование мозга хранить факты отдельно от мнений человека.

И это не слабость. Это человеческая природа. Опасность начинается тогда, когда человек отказывается это признавать.

Зачем различать эти уровни

Различение нарратива, идеологии и программы – не академическое упражнение. Это навык выживания в политическом пространстве.

Тот, кто спорит с программой, находясь внутри чужого нарратива, проигрывает. Тот, кто критикует идеологию, не трогая историю, – не услышан, а кто принимает нарратив, не осознавая этого, – теряет свободу интерпретации.

Политическая нарратология начинается с простого, но трудного шага: **увидеть историю, прежде чем соглашаться или возражать.**

Если нарратив – это не программа и не идеология, возникает следующий вопрос: **«а где именно разворачивается политическая борьба?»**. Не в парламенте, не в законах и даже не в СМИ. Она разворачивается в пространстве конкурирующих историй.

Именно к этому мы и переходим дальше.

Глава 3. Политика как конкуренция историй

*Политическое начинается с различения друга и врага.
Карл Шмитт*

Почему в политике никогда не бывает одной истории

Одна из самых устойчивых иллюзий – представление о политике как о споре идей. Кажется, что разные силы предлагают разные программы, а общество выбирает наиболее разумную. На деле это никогда не так. В политике редко сталкиваются идеи. В ней сталкиваются **истории**.

Каждая сторона предлагает не просто позицию, а объяснение реальности: что происходит, почему именно сейчас, кто в этом виноват, кем мы являемся, что с нами сделали или что мы должны сделать, чтобы вернуть утраченное или защитить хрупкое.

Поэтому политическое пространство – это не рынок аргументов. Политика – это рынок смыслов, где побеждает не самый точный рассказ, а самый переживаемый.

Что значит «конкуренция нарративов»

Конкуренция нарративов – это борьба за право назвать происходящее, определить рамку смысла.

Вопросы звучат просто, но именно они определяют всё остальное: «кризис это или возможность, ошибка или предательство, угроза или выдумка, поражение или временная жертва, стабильность или застой, реформы или разрушение».

Нарратив – это то, чем событие становится в сознании людей.

Почему истина не гарантирует победы

В теории кажется, что истинная история должна побеждать. На практике побеждает та, которая лучше выполняет психологическую функцию.

История выигрывает, если она проста, повторяема, эмоционально заряжена, снижает тревогу или придаёт ей направление. Когда история предлагает понятные роли, даёт ощущение принадлежности и оправдывает прошлые решения.

Истина может быть сложной, противоречивой, неудобной. История же обязана быть возможной к её переживанию.

Человек выбирает то, с чем можно жить.

Поле нарративной борьбы

Политическое поле всегда заполнено несколькими конкурирующими рассказами, даже если внешне кажется, что доминирует один. Обычно это истории разного масштаба и уровня: официальный нарратив власти, альтернативный нарратив оппозиции, локальные истории отдельных групп, травматические нарративы прошлого, скрытые или вытесненные сюжеты и сопровождаемые иронические и циничные версии происходящего.

Все они не всегда находятся в прямом конфликте и часто существуют параллельно, почти не соприкасаясь. Но в моменты кризиса эти истории сталкиваются лоб в лоб.

Именно в кризис становится видно, какая история была по-настоящему усвоена людьми.

Как одна история вытесняет другую

Истории редко уничтожают друг друга логически – они вытесняют друг друга. Одна из историй перестаёт работать, когда она больше не объясняет опыт человека. Когда слова не совпадают с переживанием, когда обещания не находят подтверждения в реальности и когда повторение перестаёт успокаивать.

В этот момент возникает вакуум. И его моментально заполняет другая история – часто более простая, более радикальная, более грубая, но зато эмоционально точная.

Политические кульбиты начинаются не с действий, а с замены объяснений.

Почему прошлое – поле постоянной борьбы

В конкуренции историй особую роль играет прошлое. Не как набор фактов, а как сюжет. Прошлое можно рассказывать как славу или как травму, как доказательство величия или как череду унижений, как источник гордости или как долг, который ещё не выплачен.

Контроль над прошлым – это контроль над возможным будущим. Потому что именно прошлое отвечает на вопрос: «Кто мы такие и что нам „положено“?».

Поэтому история в политике не бывает нейтральной – она всегда инструмент настоящего.

Почему компромисс между историями почти невозможен

С идеями можно договариваться. С программами можно торговаться. С историями – почти никогда.

Потому что нарратив – это не мнение, а это идентичность. Принять чужую историю – значит признать, что ты жил в ложной. А это психологически слишком, слишком дорого.

Именно поэтому политические конфликты так часто выглядят иррациональными. Люди спорят не о мерах, а о праве на реальность.

Победа истории как момент нормализации

Когда один нарратив побеждает, он перестаёт выглядеть как история. Он начинает казаться «просто реальностью». Его язык становится естественным, его допущения – очевидными, его вопросы – единственно возможными.

В этот момент альтернативные истории начинают выглядеть наивными, опасными, радикальными, неуместными, и несвоевременными.

Так работает настоящая победа в политике. Не компромисс и не когда все согласны, а когда несогласие становится маргинальным.

Почему конкуренция историй никогда не заканчивается

Можно подавить одну историю, можно вытеснить другую, можно заставить замолчать третью. Но невозможно уничтожить саму конкуренцию. Потому что реальность всегда сложнее любого рассказа.

Любая доминирующая история со временем накапливает напряжение. Она упрощает, сглаживает, замалчивает и тогда появляются трещины. В этих трещинах начинают прорастать новые сюжеты.

Политика – это не путь к окончательной истине. Это бесконечное переписывание объяснений.

Зачем это понимать

Понимание политики как конкуренции историй меняет точку зрения, алгоритм наблюдения. Вы перестаёте спрашивать: «Кто прав?» и начинаете спрашивать: «Какая история сейчас работает и почему?»

Вы видите не только слова, но и роли, которые вам предлагают. Не только факты, но и сюжет, в который их вставляют.

Это не делает человека циником, это делает его внимательным. Потому что в мире, где побеждают не идеи, а истории, самая опасная позиция – верить, что истории не имеют значения.

Именно отсюда мы подходим к следующему вопросу: «Почему даже самые точные факты так часто проигрывают хорошо рассказанным сюжетам?».

Глава 4. Почему факты проигрывают рассказам

*Уверенность – это чувство, а не доказательство.
Даниэль Канеман*

Иллюзия фактической политики

Современный человек любит считать себя рациональным. Мы верим, что принимаем политические решения, опираясь на данные, цифры, статистику, экспертизу, доказательства. Кажется, что если показать «настоящие факты», то ложная история рухнет сама собой. Но этого почти никогда или совсем никогда не происходит.

Факты могут быть точными, источники – надёжными, а аргументы – безупречными. И всё равно они проигрывают, потому что факты сами по себе не живут в сознании человека.

Факт без истории – нем

Факт – это изолированное событие, история – это связь. Факт говорит: «Это произошло», нарратив объясняет: «Это произошло потому что... и значит...».

Без истории факт не знает к чему он относится, что из него следует, кого он касается, требует ли он действия, является ли он угрозой или нормой.

Пока факт не встроен в рассказ, он остаётся шумом. Именно поэтому в политике так важно не опровергать факты, а **переписывать истории**, в которых эти факты живут.

Как мозг выбирает между фактом и рассказом

Человеческий мозг эволюционировал не для анализа математических таблиц и начертания геометрических фигур. Он эволюционировал для выживания в неопределённой среде. История даёт то, что факты дать не могут: причинность, последовательность, предсказуемость, эмоциональную ориентацию, чувство контроля и снижение тревоги.

Факты требуют усилия – история экономит энергию. Факт заставляет думать – история позволяет чувствовать, что вы уже поняли.

В условиях перегрузки, страха, неопределённости человек почти всегда выбирает не точность, а связность.

Эмоциональная архитектура смысла

Политический нарратив всегда строится вокруг эмоций. Страх объясняет необходимость, гнев даёт направление, гордость создаёт идентичность, обида оправдывает радикальность, а надежда удерживает лояльность.

Факты не несут эмоций сами по себе. Их нужно «освятить» смыслом. Поэтому одна и та же статистика может вызывать тревогу или спокойствие, ярость или равнодушие, мобилизацию или апатию.

Решает не цифра, а история, в которую она встроена.

Почему опровержение почти не работает

Существует наивная вера: если разоблачить ложь, она исчезнет. Но политические нарративы не разрушаются опровержениями, потому что они держатся не на своей «истинности», а на **функции**, которую выполняют.

Если история даёт чувство принадлежности, оправдывает боль, объясняет неудачи, сохраняет достоинство и снижает тревогу, то факт, который её разрушает, воспринимается не как информация, а как угроза.

В этот момент включается защита: факт объявляется ложным, источник – враждебным, критик – предателем, сомнение – слабостью. История защищает себя сама.

Когда факты начинают работать

Факты начинают иметь значение не тогда, когда они точны, а тогда, когда совпадают с переживанием. Если опыт человека подтверждает факт, он легко принимается. Если опыт ему противоречит, факт отбрасывается.

Поэтому политические нарративы так часто апеллируют к «жизненному опыту», «простым людям», «тому, что видно невооружённым глазом».

История, совпадающая с ощущением, всегда сильнее истории, подтверждённой экспертами.

Информация против идентичности

Самая большая ошибка – думать, что политический спор – это спор о данных. На самом деле это спор об идентичности.

Принять факт – значит признать: я ошибался, меня обманули, моя группа не права, мой выбор был неверным.

Это психологически болезненно, а иногда и травматично. Поэтому человек защищает не позицию, а себя. Факты, угрожающие идентичности, вызывают сопротивление независимо от их качества и соответствия реальности.

Медиа и иллюзия информированности

Современный человек получает больше информации, чем когда-либо. Но это не делает его более устойчивым к нарративам. Скорее наоборот. Увеличивающийся информационный поток разрушает способность выстраивать собственные истории и человек начинает заимствовать готовые.

Медиа редко поставляют факты в чистом виде, они передают рамки, интонации, акценты, повторения, эмоциональные маркеры.

Так создаётся ощущение «я всё знаю», при том что это всего лишь воспроизведение чужого сюжета.

Почему «правда победит» – опасный миф

Вера в автоматическую победу правды освобождает от ответственности за форму. Она позволяет не думать о языке, о структуре, о том, как именно объясняется происходящее.

Но правда без формы не побеждает. Она растворяется. История без фактов опасна, факты без истории – беспомощны.

Политика существует в напряжении между ними. И чаще всего побеждает та сторона, которая лучше управляет смыслом, а не та, которая точнее предоставляет информацию.

Что даёт понимание этого механизма

Осознание того, почему факты проигрывают историям, не означает отказ от фактов. Оно означает отказ от наивности. Вы начинаете видеть почему одни данные подхватываются, а другие игнорируются, почему разоблачения не работают и почему люди держатся за очевидно слабые объяснения.

И главное – вы начинаете замечать, какие истории обслуживают ваши собственные убеждения. Потому что самый опасный нарратив – тот, который кажется «просто реальностью».

С этого понимания мы переходим дальше – к вопросу о том, как именно создаётся главный персонаж политической истории: коллективное «мы».

Глава 5. Коллективное «мы» как главный персонаж

*Нация – это воображаемое политическое сообщество.
Бенедикт Андерсон*

Почему политика почти никогда не говорит «ты»

Политика почти не обращается к человеку напрямую. Она редко говорит «ты», почти никогда – «я». Её базовая форма обращения – «мы».

«Мы – народ», «мы – страна», «мы – большинство», «мы – наследники», «мы в опасности», «мы победим». Это не стилистический приём и не коллективная вежливость, а это фундаментальный механизм политического нарратива.

Политика нуждается в персонаже, который был бы больше любого отдельного человека, переживал поколения и мог требовать жертв без прямого насилия. Таким персонажем становится коллективное «мы».

Именно «мы» действует, ошибается, страдает, терпит, воюет, ждёт, оправдывается и прощает. Именно «мы» становится носителем исторического смысла.

«Мы» не обнаруживают – его конструируют

Коллективное «мы» не существует как природный факт. Его нельзя обнаружить, измерить или зафиксировать эмпирически. Его создают – через язык, символы, ритуалы, повторение, эмоциональную синхронизацию, общий страх и общее обещание.

До появления общего нарратива существует просто множество людей с разными интересами, страхами, взглядами и биографиями. После его появления возникает субъект, который говорит от имени всех, требует лояльности, определяет границы допустимого и наказывает отклонения.

Это не заговор, не конспирология и не манипуляция в узком смысле. Это способ сделать общество управляемым и предсказуемым.

Воображаемое не означает фиктивное

Слово «воображаемое» часто воспринимается как синоним «нереального». Это ошибка. Деньги воображаемы, границы воображаемы, законы воображаемы. Но именно они структурируют жизнь миллионов людей.

Коллективное «мы» работает по той же логике. Оно не имеет биологического тела, но обладает психологической реальностью. Люди готовы умирать во имя него, терпеть ради него, молчать ради него.

Воображаемое – это источник силы.

Эффект принадлежности как эмоциональная технология

Принадлежность не доказывают – её переживают. Человек не анализирует «мы», потому что он в нём находится.

Эффект «мы» формируется через повторяющиеся формулы, узнаваемые символы, коллективные ритуалы, образы прошлого и проекции будущего. В какой-то момент человек перестаёт различать, где заканчивается его собственная позиция и начинается позиция «общего».

Именно поэтому принадлежность ощущается телесно – в толпе, на митинге, перед экраном, во время гимна, в момент угрозы.

Почему «мы» сильнее индивидуального мышления

Индивидуальное «я» сомневается. Коллективное «мы» уверено. «Я» может ошибаться. «Мы» почти всегда правы. «Я» боится. «Мы» придаёт смелость.

Главное в том, что «мы» снимает часть ответственности. Решение принимает не человек, а «история», «народ», «эпоха», «обстоятельства». Это даёт психологическое облегчение и ощущение оправданности.

Именно здесь коллективное «мы» становится особенно притягательным.

Растворение личного сомнения

Когда человек начинает мыслить категориями «мы», он постепенно теряет привычку задавать вопросы. Формулы «мы знаем», «мы понимаем», «мы должны», вытесняют личное сомнение.

Несогласие начинает восприниматься не как позиция, а как угроза целостности. Возникает внутренняя самоцензура: лучше промолчать, чем быть исключённым, лучше согласиться, чем остаться одному.

Политический нарратив побеждает не тогда, когда убеждает, а тогда, когда альтернативная мысль становится психологически опасной.

«Мы» как моральный экран

Коллективное «мы» обладает особым свойством – оно размывает личную ответственность. То, что человек не решился бы сделать от собственного имени, он легко оправдывает от имени группы.

Насилие превращается в защиту, ложь – в необходимость, подавление – в заботу, молчание – в зрелость. «Мы» становится моральным экраном, за которым исчезает индивидуальная этика.

Это не делает людей злыми, это делает их функциями истории.

Границы «мы» как основа идентичности

Любое «мы» существует только при наличии границы. Если есть «мы», значит есть «не мы». Если есть «свои», значит есть «чужие». Чем сильнее нарратив, тем жёстче очерчены эти границы.

Политическая идентичность редко строится на позитивных характеристиках. Чаще – на отрицании: мы не они, мы не такие, мы не допустим, мы не забудем.

Именно через исключение «чужих», коллективное «мы» ощущает собственную плотность.

Почему «мы» требует постоянного воспроизводства

Коллективное «мы» нестабильно. Его необходимо постоянно поддерживать – через праздники, кризисы, угрозы, мобилизацию, символические жесты, повторение истории.

Когда нарратив ослабевает, «мы» начинает распадаться на множество «я». Именно этого момента власть боится больше всего – момента тишины, в которой исчезает общее объяснение происходящего.

Когда «мы» становится ловушкой

Проблема не в принадлежности как таковой – человек нуждается в общности. Опасность возникает тогда, когда «мы» не допускает дистанции, когда сомнение объявляется изменой, когда выход из истории становится невозможным.

В этот момент коллективное «мы» перестаёт быть источником силы и превращается в механизм подчинения.

Зачем видеть конструкцию «мы»

Понимание того, как создаётся коллективное «мы», не делает человека изолированным. Оно возвращает ему выбор. Можно принадлежать, не растворяясь, участвовать, не отказываясь от мышления, говорить «мы», понимая, кто и зачем его формирует.

Политическая нарратология начинается именно здесь – с различения границы между историей и собой. Потому что самый опасный момент – это момент, когда вы перестаете понимать, где заканчивается нарратив и начинается вы сами.

Глава 6. Кто включён и кто исключён

*Исключение – основа политического порядка.
Джорджо Агамбен*

Любое «мы» начинается с границы

Коллективное «мы» не может быть бесконечным. Если оно не имеет границ, оно теряет форму. Если оно включает всех, оно перестаёт что-либо значить.

Поэтому каждый политический нарратив, создавая «мы», одновременно, пусть не всегда явно, но отвечает на другой вопрос: **«Кто не входит?»**.

Именно этот вопрос делает политику напряжённой, болезненной и опасной. Потому что включение даёт защиту и смысл, а исключение – уязвимость и тишину.

Исключение как невидимая операция

Исключение редко объявляется напрямую. О нём почти никогда не говорят открыто. Оно происходит через язык, намёки, интонации, расстановку акцентов, выбор слов, повторение, молчание. Одних называют «настоящими», других – «сомнительными», «временно заблудшими», «не до конца» или «слишком» и «не вполне».

Так формируется зона неопределённого статуса – люди, которые вроде бы внутри общества, но не полностью внутри истории.

Именно эта зона и является самой уязвимой.

Включение как привилегия

Принадлежность к «мы» всегда даётся не просто так. Она предполагает условия: лояльность, язык, жесты, согласие с историей, принятие символов, соблюдение ритуалов.

Человек может быть формально гражданином, но нарративно исключённым. Может жить внутри государства, но вне его «мы». Может говорить, но не быть услышанным.

Политика редко наказывает напрямую. Гораздо чаще она **перестаёт признавать**.

Категории «чужих» как конструкция

В каждом политическом нарративе можно обнаружить повторяющийся набор фигур исключения. Они меняются по именам, но сохраняют структуру: чужак, предатель, паразит, элита, маргинал, агент, безродный, неправильный. Ну и как «венец всего»: враг народа.

Важно понимать: эти категории не описывают реальных людей. Они описывают **функции в истории** и их задача – укреплять границу «мы».

Когда нарратив нуждается в консолидации, число исключённых расширяется. Когда он уверен в себе, границы могут временно расширяться.

Внешнее исключение: «они»

Самая простая форма – внешняя – «они». Это другой народ, другая культура, другой блок, другой мир.

Внешний враг удобен: он далеко, абстрактен, легко демонизируется. Его можно обвинять без риска немедленного конфликта внутри общества. Через него объясняют неудачи, задержки, страхи, ограничения.

Внешний враг – это способ удерживать внутреннее «мы» в напряжённой целостности.

Внутреннее исключение: опаснее всего

Гораздо опаснее внутреннее исключение. Это момент, когда «чужие» находятся рядом.

Именно здесь возникают фигуры «пятой колонны», «врагов изнутри», «сомневающих», «слишком сложных», «нелояльных». Их отличие не всегда в действиях, чаще – в интерпретации.

Они опасны не тем, что делают, а тем, что **иначе объясняют происходящее**. И поэтому борьба с ними почти всегда ведётся не юридически, а нарративно.

Язык как инструмент исключения

Обратите внимание: исключение редко формулируется через прямой запрет. Оно оформляется через язык.

Человека могут не арестовать, но перестать приглашать. Не запретить говорить, но перестать цитировать. Не объявить врагом, но обозначить как «спорного», «токсичного», «неоднозначного».

Язык формирует социальную температуру. И если температура падает, человек оказывается в охлажденном пространстве, без необходимости формального изгнания.

Исключённый как зеркало страха

Фигура исключённого всегда отражает страх самого «мы». Неуверенность в идентичности, тревогу перед изменением, страх потери контроля.

Исключая другого, коллектив подтверждает себя. Наказывая отклонение, он успокаивает собственные сомнения.

Поэтому исключение редко связано с реальной угрозой, оно связано с **психологической уязвимостью нарратива**.

Почему исключение кажется необходимым

Любая история стремится к целостности. А целостность плохо переносит сложность.

Различия мешают простоте, амбивалентность разрушает мобилизацию, а множественность ослабляет чёткость. Поэтому нарратив стремится упростить реальность – а значит, сократить число допустимых позиций.

Исключение – это способ снизить когнитивную нагрузку общества.

Молчаливое большинство исключённых

Самая большая группа исключённых – те, кого никто не называет. Они не враги и не герои. Они просто не вписываются.

Люди без чёткой идентичности, без языка, без символического капитала. Их нет в историях, о них не спорят, они не становятся персонажами.

Это не случайность. Нарративу нужны контуры, а не нюансы.

Исключение и насилие

Не всякое исключение ведёт к физическому насилию, но всякое массовое насилие начинается с нарративного исключения.

Сначала человека перестают считать «своим», потом – «равным», потом – «необходимым». И только в конце – «человеком».

Этот процесс почти всегда постепенный и потому незаметный изнутри.

Можно ли обойтись без исключения?

Полностью – нет. Любая идентичность предполагает границу.

Но существует разница между **проницаемой границей** и **абсолютной**. Между исключением как различием и исключением как уничтожением.

Политическая зрелость общества определяется тем, допускает ли его нарратив возможность несогласия без изгнания.

Что даёт понимание механизма исключения

Осознавая, как работает включение и исключение, человек получает редкий ресурс – возможность не путать принадлежность с подчинением.

Можно быть частью «мы» и при этом видеть, как оно сконструировано. Можно участвовать, не отказываясь от способности задавать вопросы. Можно понимать, что любой нарратив имеет тень – и не становиться её жертвой.

Политическая нарратология не отменяет границ. Она делает их видимыми.

А видимая граница – уже не абсолютная.

Глава 7. Язык, символы и память

*Границы моего языка означают границы моего мира.
Людвиг Витгенштейн*

Политика начинается с языка

Ни одна политическая реальность не существует до языка. Сначала появляется слово – и только потом действие.

До того как возникает закон, возникает формулировка.

До того как появляется враг, появляется название.

До того как общество начинает помнить, ему объясняют, **что именно следует помнить**.

Политика не использует язык как инструмент – политика существует **внутри языка**.

Язык не описывает – он организует

Мы привыкли считать язык нейтральным средством передачи информации. В политике это опасное заблуждение.

Язык расставляет акценты, создаёт причинность, распределяет ответственность, задаёт эмоциональный тон и определяет допустимые формулировки.

Сравните: «реформа», «оптимизация», «сокращение», «урезание», «лишение». Факт может быть один. Реальности – разные.

Политический язык – это не отражение мира, он – его архитектура.

Слова с утраченной невинностью

В политике нет «чистых» слов. Каждое ключевое понятие несёт след прежних употреблений.

Такие слова, как «свобода», «безопасность», «порядок», «традиция», «народ», «государство», кажутся очевидными, но на деле являются контейнерами смыслов. Их наполнение меняется, но форма остаётся – и именно поэтому они так эффективны.

Политический нарратив не изобретает новые слова. Он **перепрошивает старые**.

Язык как граница допустимого мышления

Важно не только то, что говорится, но и то, **что невозможно сказать**. Каждый устойчивый политический нарратив формирует зону немыслимого – темы, которые выглядят странными, опасными, нелепыми или «неуместными». Не потому, что они ложные, а потому, что нет языка для их обсуждения.

Когда вопрос невозможно сформулировать словами, он исчезает из общественного сознания. Это одна из самых мягких и эффективных форм власти.

Символ как сжатый нарратив

Если язык – это ткань истории, то символ – её узел. Флаг, герб, памятник, дата, жест, мелодия, цвет – всё это не украшения, а концентраты смысла. Символ не объясняет, он **включает нарратив**.

Человек может не понимать программу, не знать факты, не разбираться в аргументах, но символ действует напрямую – через эмоцию, тело, привычку.

Символ – это нарратив, переживаемый без слов.

Почему символы вызывают такие сильные реакции

Рациональный аргумент можно обсудить. Символ – нельзя.

Попробуйте «спокойно подискутировать» с символом и вы увидите, что реакция будет несоразмерной. Потому что спор воспринимается не как критика, а как **вторжение в идентичность**.

Символы отвечают на вопрос «кто мы такие?» и хранят не информацию, а принадлежность.

Ритуалы как язык тела

Политические ритуалы – это язык, в котором говорит тело общества. Выборы, парады, минуты молчания, присяги, церемонии, памятные даты – всё это не формальности. Это способы синхронизации.

Ритуал приучает, он создаёт ощущение нормальности, повторяемости, устойчивости.

Через ритуал нарратив перестаёт быть мыслью и становится **привычкой**.

Память как поле политики

Коллективная память – это результат отбора. Общество не может помнить всё. Оно помнит то, что **рассказано и повторено**. Всё остальное растворяется и исчезает.

Поэтому память всегда политична. Её не искажают, её **структурируют**.

Что вспоминается как подвиг, что – как трагедия, что – как ошибка, а что – как необходимость, решается не прошлым, а настоящим.

Забвение как форма власти

Не менее важен вопрос: «Что забывается?». Забвение – это не пустота. Это результат молчания, отсутствия ритуалов, отсутствия языка.

Если событие не получило символа, даты, названия, оно перестаёт существовать в коллективном сознании, даже если было травматичным.

В этом смысле власть управляет не только памятью, но и **амнезией**.

Переписывание без переписывания

Современная политика не склонна грубо переписывать историю.

Это слишком заметно. Чаще меняется рамка интерпретации. Те же события начинают «значить» другое.

Победа становится «сложной победой», поражение – «неизбежным этапом», насилие – «ответом», сопротивление – «хаосом».

Факты остаются, меняется сюжет.

Язык кризиса и язык стабильности

Каждый политический режим имеет свой доминирующий язык. В кризисе преобладают слова угрозы, срочности, мобилизации, исключительности. В стабильности – слова порядка, развития, нормы, постепенности.

Смена языка всегда предвосхищает смену политики. Когда лексика резко меняется, значит, меняется история, в которую людей готовят включить.

Почему борьба за язык – это борьба за реальность

Кто определяет, как называются вещи, тот определяет, как они переживаются. Назвать протест «беспорядками» – одно, назвать его «восстанием» – другое. А можно назвать «движением» и это – третье.

Ни одно из этих слов не является нейтральным, каждое сразу предлагает роль, эмоцию, вывод. Поэтому политическая борьба начинается с терминов, а не с действий.

Медиа как усилитель языка

Современные медиа ускоряют и упрощают язык. Сложные конструкции исчезают, остаются короткие формулы, образы, клише, повторяемые фразы.

Это делает нарративы более вирусными, но менее устойчивыми. Они стремительно захватывают внимание, но быстрее выгорают.

В такой среде символы и слова-концентраты становятся ещё важнее.

Когда язык ломается

Самый тревожный момент – не ложь, а **потеря доверия к словам вообще**. Когда все слова кажутся манипуляцией, когда любое утверждение воспринимается как скрытый интерес, язык перестаёт связывать людей. Он начинает их разъединять.

Это состояние мы называем цинизмом – и именно ему будет посвящена отдельная глава.

Что даёт понимание языка, символов и памяти

Политическая нарратология не предлагает «правильных слов». Она учит **слышать структуру**. Понимание того, какие слова работают как крючки и капканы, какие символы включают эмоции, какая память активизируется, а какая вытесняется – это не защита от воздействия политики, а защита от растворения в ней.

Пока человек способен замечать язык, он остаётся субъектом, а не носителем истории. С этого понимания мы и переходим дальше – к тому, как политические нарративы разворачиваются во времени.

Глава 8. Национальная история как сюжет

Нация – это ежедневный плебисцит.
Эрнест Ренан

Традиции часто изобретаются.
Эрик Хобсбаум

История как рассказ о себе

Каждое общество живёт не просто в настоящем, а внутри истории о самом себе. Эта история не обязана быть точной – она обязана быть понятной.

Национальная история – это сюжет, в котором общество отвечает на несколько базовых вопросов: «откуда мы пришли?», «через что мы прошли?», «что нас отличает?», «чем мы гордимся?», «что нас травмировало?», «куда мы идём?».

Без этого сюжета «мы» не удерживается.

Почему история всегда упрощена

Реальное прошлое хаотично, противоречиво и многослойно. Коллективное сознание не может его вместить. Поэтому национальная история всегда редуцирована: сложные процессы превращаются в несколько поворотных моментов, множественные причины – в одну линию, противоречивые фигуры – в героев или злодеев.

Это не фальсификация, а психологическая необходимость. Общество, как и человек, нуждается в внятной биографии.

История как оправдание настоящего

Национальный сюжет почти всегда объясняет, почему нынешнее положение вещей «такое, какое есть». Через историю оправдываются границы, институты, иерархии, травмы, страхи, ожидания и прошлое становится аргументом.

Фраза «у нас так всегда было» – одна из самых сильных политических формул. Она снимает ответственность с настоящего и переводит её в область судьбы.

Миф происхождения

В центре любой национальной истории находится миф начала. Это не обязательно ложь – это точка сборки всего сюжета.

Миф происхождения отвечает на вопрос: «кем мы были в момент рождения – жертвами, победителями, избранными, выжившими, первооткрывателями, мучениками, освободителями?».

Этот образ почти не меняется, даже если детали корректируются, потому что он задаёт эмоциональный тон всей дальнейшей истории.

Великие победы и великие травмы

Национальный сюжет строится вокруг двух типов событий: побед и травм. Победы дают чувство достоинства, исключительности, силы. Травмы дают чувство оправданного страдания, подозрительности, морального превосходства жертвы.

Интересно, что общества часто держатся за травмы не менее крепко, чем за победы. Травма доступнее объясняет страхи и мобилизует лояльность.

История как моральная карта

Национальная история всегда морализирована, она чётко распределяет роли: кто был прав, кто виноват, кто предал, кто спас, кто пострадал напрасно, а чья жертва была «необходимой».

Так формируется моральная карта мира, по которой общество ориентируется и в настоящем. Политические конфликты выглядят как споры о будущем, но все эти споры, по сути, о прошлом и его смысле.

Персонажи национального сюжета

История требует героев и реальные люди превращаются в архетипы: основатель, освободитель, мученик, реформатор, тиран, предатель. Их человеческая сложность исчезает, остаётся их функция.

Чем проще персонаж, тем устойчивее сюжет, чем сложнее – тем больше он угрожает целостности истории.

Поэтому переоценка исторических фигур всегда вызывает болезненную реакцию: она разрушает привычную драматургию.

Учебники как сценарии

Школьный учебник истории – это сценарий национальной идентичности. Он учит не столько фактам, событиям и датам, сколько интонации: чем гордиться, чему сочувствовать, что считать позором, о чём говорить вскользь, а что повторять постоянно.

Именно поэтому споры о школьных программах всегда политичны. Речь идёт не о прошлом, а о том, каких граждан формируют для настоящего и будущего.

Памятники и даты как якоря сюжета

Часто памятник – это объект искусства. Но в политике – это материализованная фиксация интерпретации. Дата – не календарная отметка, она формирует ритм памяти.

Через памятники и даты общество постоянно воспроизводит свой сюжет в пространстве и времени. Они поддерживают историю, не дают ей исчезнуть.

Снос памятника или отмена даты воспринимаются как покушение не на камень или календарь, а на саму идентичность.

Конкурирующие версии прошлого

Существует не одна национальная история. Обычно внутри общества сосуществуют несколько ее версий: официальная, альтернативная, травматическая, маргинальная, региональная или семейная.

Пока они могут сосуществовать – общество остаётся живым. Когда одна версия объявляется единственно допустимой – начинается жёсткая политика в отношении памяти и история превращается в поле боя.

Почему прошлое нельзя «оставить в покое»

Часто говорят: «Зачем ворошить прошлое? Нужно смотреть в будущее». Это поразительно наивно. Прошлое не лежит где-то позади, оно встроено в язык, институты, страхи, ожидания.

Неосмысленное прошлое возвращается в виде симптомов агрессии, подозрительности, повторяющихся конфликтов.

Манипуляция историей без фальсификации

Современная политика никогда не искажает факты грубо, ведь гораздо эффективнее – изменить акценты.

Усилить одни эпизоды, свести другие к примечаниям, добавить эмоциональную оценку. История остаётся «той же», но работает иначе.

История и образ будущего

Национальный сюжет всегда смотрит не только назад, но и вперёд. Прошлое используется как доказательство того, что будущее либо возможно, либо опасно. «Мы уже это проходили» – мощный аргумент против изменений. «Мы всегда поднимались» – аргумент за терпение.

Без образа будущего история теряет свою мобилизующую силу и превращается в пантеон.

Опасность застывшего сюжета

Самая опасная форма национальной истории – застывшая. Когда прошлое объявляется завершённым и истолкованным раз и навсегда, а любое новое прочтение воспринимается как угроза.

В этот момент история перестаёт быть диалогом и становится догмой. А догма тоже всегда требует защиты.

Зачем понимать национальный сюжет

Политическая нарратология не предлагает «правильной истории». Она предлагает видеть, как история устроена, понимать, где заканчивается факт и начинается сюжет, где память превращается в инструмент и где гордость приводит к слепоте.

Человек не может жить без истории. Но он может выбирать, насколько осознанно он в ней участвует. К более подробному изучению влияния национальной истории на поведение масс мы вернемся в третьей части.

А сейчас следующий шаг – понять, как история работает не только в прошлом, но и во времени вообще.

Глава 9. Время в политическом нарративе

Господство существует постольку, поскольку в него верят.
Макс Вебер

Политическое время не совпадает с календарём

В обычном понимании человека, время – это линейная последовательность: прошлое ушло, настоящее происходит, будущее ещё не наступило. В политике это не так.

Политическое время – это уже не хронология, а конструкция. Оно растягивается, сжимается, закичивается, ускоряется или замедляется в зависимости от того, какой нарратив сейчас необходим.

Политика управляет не событиями во времени, а **переживанием времени**.

Прошлое как ресурс

Прошлое в политическом нарративе не является «тем, что было», оно – «тем, что значит». Одни и те же исторические события могут выступать как источник гордости, оправдания страха, доказательства величия, аргумента против перемен, предупреждения или обещания.

Прошлое всегда используется избирательно: одни фрагменты вытаскиваются на свет, другие остаются в тени, третьи банально переписываются.

Важно не то, что произошло, а **какую функцию это выполняет сегодня**.

Настоящее как точка давления

Настоящее – самая уязвимая часть нарратива, потому что люди именно в нём и живут. И именно здесь они чувствуют усталость, тревогу, нехватку, раздражение. Важная функция политического нарратива и его постоянное стремление – **объяснить настоящее**.

Если настоящее нерпостое и тяжёлое, его называют переходным, если оно несправедливое – необходимым. Если оно тревожное – временным, если оно провальное – следствием чужих ошибок.

Настоящее не описывается как окончательное – оно «мост» к другой истории.

Будущее как главный объект политики

Политика не управляет настоящим непосредственно, она управляет им через **образ будущего**.

Будущее может быть обещанием, угрозой, катастрофой, возрождением, стабильностью, скачком, рывком или просто «чтобы не стало хуже».

Даже отказ от будущего – это тоже образ будущего, в качестве будущего как повторение настоящего. Люди готовы терпеть многое, если верят, что это их куда-то ведёт.

Временная асимметрия нарратива

Политический нарратив асимметричен во времени. Прошлое изображается как насыщенное смыслом, настоящее – как напряжённое, будущее – как спасительное или угрожающее. Это создаёт и направление, и движение.

Без этого динамика нарратив замедляется и перестаёт мобилизовать.

Политика ускорения

Один из самых опасных приёмов – ускорение времени. Когда людям говорят, что «времени нет», «решения нужно принимать срочно», «окно возможностей закрывается», «сейчас или никогда», то у людей отключается рефлексия, ускоренное время не оставляет места сомнению. Сомнение в нём выглядит как саботаж, потому что любой вопрос – угроза власти.

Политика замедления

Обратный приём – замедление. Власть говорит о сложности, необходимости осторожности, опасности резких шагов, исторической ответственности и перспективах долгого пути. Время растягивается.

Замедление снижает ожидания, гасит импульс, переводит энергию протеста в терпение. Но это работает, пока люди верят, что движение всё же есть.

Зацикленное время

Некоторые политические нарративы строятся как цикл. «Мы всегда были такими», «история повторяется», «ничего нового» и «так устроен мир».

В зацикленном времени исчезает возможность альтернативы. Если всё повторяется, любые усилия выглядят наивными и такой нарратив очень удобен для консервации существующего порядка.

Линейное и мессианское время

Другие нарративы, наоборот, выглядят линейными и направленными. История изображается как путь к цели: освобождению, справедливости, величию, процветанию, очищению.

В таком мессианском времени – настоящее лишь испытание, а будущее – это награда.

Это делает возможными жертвы, они получают смысл, обретают необходимую ценность.

Манипуляция ожиданиями

Политика не обманывает напрямую, открыто. Она всегда активно работает с ожиданиями. Обещания могут быть размыты, отложены, переформулированы, перенесены на следующее поколение и объяснены внешними обстоятельствами.

Важно не выполнение, а **поддержание ожидания**. Ожидание крайне необходимо – когда ожидание исчезает, нарратив рушится.

«Мы на пороге»

Одна из самых устойчивых формул политического времени – ощущение порога. «Мы стоим на пороге перемен», «мы у последней черты», «мы близки к переломному моменту».

Пороговое время мобилизует, но не требует немедленного результата и прекрасно держит общество в напряжённом ожидании.

Опасность в другом – порог может длиться бесконечно.

Поколенческое время

Политические нарративы всегда обращаются к поколениям. Одним говорят: «Вы должны потерпеть ради детей», другим: «Вы пожинаете плоды жертв родителей».

Так ответственность распределяется во времени, а недовольство смягчается моральным аргументом.

Поколение становится носителем вменённого ему долга.

Время как инструмент исключения

Контроль времени – это и контроль принадлежности человека. Те, кто «не понимают исторического момента», объявляются отсталыми, те, кто «опережают время», – опасными, те, кто «живут прошлым», – мешающими. И так время приобретает ещё одно качество – оно становится маркером лояльности.

Когда будущее исчезает

Самый тревожный момент – исчезновение будущего из нарратива. Когда власть больше не обещает, а только предупреждает. Когда оппозиция не предлагает, а лишь разоблачает. Когда общество перестаёт задавать вопрос «куда?».

В этот момент политика становится управлением страхом настоящего без определяемого горизонта будущего.

Цинизм как временная усталость

Политический цинизм выглядит как недоверие к словам, но на самом деле это усталость от времени. Люди перестают верить не потому, что им лгали, а потому что обещания больше не соотносятся с переживаемым настоящим.

Когда разрыв становится слишком большим, нарратив теряет свою силу.

Зачем понимать временную архитектуру

Понимание политического времени позволяет увидеть, чем именно вас удерживают: обещанием, страхом, срочностью, ожиданием, памятью, виной или надеждой.

Человек не может выйти из времени, но он может увидеть, **в каком времени его заставляют жить**. И это понимание – первый шаг к свободе интерпретации.

Следующий вопрос неизбежен: «Если политика так управляет временем, можно ли вообще управлять без нарративов?».

Глава 10. Почему политика неизбежно нарративна

*Миф мыслит в людях.
Клод Леви-Стросс*

Иллюзия пост-нарративного мира

Современный человек часто верит, что политика может быть «технократической». Что ею могут управлять эксперты, алгоритмы, расчёты, модели, графики, нейросети, оптимизация процессов.

Кажется, будто можно избавиться от историй и оставить только управление. Но это иллюзия.

Самое технократическое управление всё равно должно отвечать на вопросы: «зачем?», «ради чего?», «в чьих интересах?», «к какому будущему?».

А это уже не техника – это смысл.

Управление без смысла невозможно

Можно управлять машиной без объяснений, можно управлять процессом без эмоций, но нельзя управлять обществом без ответа на вопрос «почему?».

Человек – не механизм и он не может подчиниться только потому, что команда логична. Он подчиняется, когда понимает происходящее, принимает роль, видит оправдание, ощущает принадлежность и верит в направление.

Все эти элементы находятся в сфере нарратива.

Даже отказ от нарратива – это нарратив

Когда власть говорит: «У нас нет идеологии», «Мы просто делаем то, что работает», «Мы вне политики», она уже рассказывает историю.

Историю рациональности, нейтральности, неизбежности, взрослости. И это тоже нарратив – просто маскирующийся под отсутствие нарратива.

Он тоже опасен, потому что выглядит как естественное состояние вещей, существующую данность.

Политика как редактирование реальности

Политика не создаёт реальность с нуля – она её редактирует. Она выбирает, что считать причиной, что следствием, что фоном, что центром, что случайностью, а что закономерностью.

Редактирование – это право и акт рассказчика.

Почему «чистые факты» не работают

Факт – это элемент, нарратив – это связь. Без связи факты не убеждают и больше утомляют. А их избыток без истории создаёт ощущение хаоса.

В хаосе человек ищет того, кто предложит простую и понятную рамку. Поэтому политика, отказавшаяся от нарратива, всегда уступает политике, которая его предлагает.

Политика как работа с идентичностью

Ни одно общество не существует без ответа на вопросы: «кто мы?», «откуда мы?», «что нас объединяет?», «что нам угрожает?», «что для нас неприемлемо?». Это не философские вопросы, а вопросы элементарного выживания сообщества.

На них нельзя ответить разработанной формулой. Ответ – только история.

Нарратив как форма легитимности

Люди подчиняются не институту власти, а истории, которая его оправдывает.

Когда нарратив разрушается, институты остаются – но перестают работать. Их начинают обходить, имитировать, саботировать, высмеивать. И тогда власть вынуждена опираться на принуждение.

Насилие как замена рассказа

Когда история больше не убеждает, появляется сила. Это универсальный закон политики – насилие сигнализирует о провале нарратива.

Там, где слова перестали работать, начинают работать дубинки, тюрьмы, исключения, стигматизация.

Насилие никогда не создаёт устойчивую историю – оно временно заполняет пустоту.

Почему невозможно «просто управлять»

Мечта об управлении без истории – это мечта о людях без памяти, без эмоций, без идентичности. Здоровыми таких людей не назовешь.

Даже если такими их пытаются воспитать, они всё равно начинают создавать альтернативные нарративы: слухи, анекдоты, мифы, подпольные истории, иронические версии официального рассказа.

История всегда возвращается в другой форме или содержании.

Политический нарратив как поле конфликта

Политика неизбежно нарративна ещё и потому, что нарративы всегда конкурируют. Если один рассказ не даёт смысла, то появляется другой. Если один объясняет сложно, другой объясняет проще, если один трудно понятен, другой соблазнительно ясен.

Вакуум истории никогда не остаётся пустым.

Попытка запрета историй

Время от времени власть пытается запретить нарративы. Она запрещает интерпретации, версии, альтернативные описания, вопросы. Но запрет не уничтожает историю – он делает её подпольной.

А подпольные истории куда радикальнее и опаснее официальных.

Почему мифы сильнее разоблачений

Разоблачение разрушает конкретный рассказ, но оно не обязательно предлагает новый. Человек, у которого отобрали историю, не становится свободным – он становится уязвимым.

Поэтому разрушение нарратива без замены почти всегда приводит к новому, часто более жёсткому мифу.

Политика как борьба за интерпретацию, а не за истину

Истина в политике важна, но недостаточна. Важно, кто объясняет истину, как, в какой форме, для кого, с какой интонацией и эмоцией.

Политика – это не соревнование фактов, это соревнование интерпретаций.

Почему это нельзя отменить реформами

Можно реформировать институты, можно менять процедуры, можно обновлять элиты.

Но если не обновляется нарратив, всё возвращается на круги своя. Реформы без истории воспринимаются как реакция от бессилия, история без реформ – как декларируемая ложь.

Осознание нарратива не отменяет его действия

Важно понимать: осознание не делает человека полностью свободным. Даже понимая, что вы внутри истории, вы всё равно продолжаете в ней жить. Но разница между слепым участием и осознанным огромна – осознание создаёт дистанцию.

Политическая зрелость как способность жить с историями

Зрелое общество то, где можно обсуждать, оспаривать, сравнивать, и изменять нарративы. Где история не сакрализуется, но и не обесценивается. Где человек знает, что любая политическая реальность – это рассказ о мире, а не сам мир.

Почему эта книга начинается именно здесь

Поняв, что политика неизбежно нарративна, невозможно больше спрашивать: «Почему они нас обманывают?»

Правильный вопрос другой: «Какую историю нам предлагают – и зачем?».

С этого момента суть разговора меняется. И дальше мы будем говорить уже не о факте существования нарративов, а о том, **как именно они строятся, удерживаются и разрушаются.**

На этом заканчивается первая часть. Дальше – механика власти.

ЧАСТЬ II. МЕХАНИКА ВЛАСТИ

Вступление

В первой части этой книги мы говорили о том, почему политика неизбежно становится историей. О том, как факты превращаются в смыслы, как коллективное «мы» возникает из языка, как прошлое и будущее переписываются в зависимости от настоящего. Теперь необходимо сделать следующий шаг. Просто понять природу политического нарратива – недостаточно.

Любая история, однажды возникнув, должна быть удержана, защищена, повторена, закреплена и передана дальше. И именно здесь начинает работать механика власти.

Если в книге «Теоретическая нарратология» нарратив рассматривался как универсальная форма человеческого мышления, а в книге «Прикладная нарратология» – как инструмент, влияющий на частную жизнь, выборы и идентичность отдельного человека или общности людей, то в политике нарратив становится целой инфраструктурой. Не идеей, не мнением, а полноценной системой.

Власть как управление объяснениями

Обычно власть описывают через её институты: парламент, суды, армию, полицию, министерства. Но эти формы вторичны.

Прежде чем власть становится законом, она становится объяснением. Прежде чем появляется приказ, возникает его оправдание. Прежде чем возникает подчинение, появляется рассказ, в котором подчинение выглядит разумным.

Власть существует благодаря способности удерживать право на интерпретацию происходящего. Что считать кризисом, что – нормой, что – угрозой, а что – допустимым риском и необходимой жертвой.

Механика власти – это механика смыслов.

Почему устойчивость важнее силы

Политическую власть сложно удерживать только на насилии – насилие дорого, нестабильно и плохо масштабируется. Гораздо эффективнее власть, которая не требует постоянного принуждения, воспроизводится через язык, поддерживается ритуалами и привычно воспринимается как окружающий ландшафт.

Такая власть не выглядит как власть, она выглядит как разум, здравый смысл, традиция, неизбежность, ответственность. Всё что угодно, только не власть. Именно поэтому ключевыми вопросами в нашем изложении становятся не «кто правит?» и не «какие решения приняты?», а «почему этому подчиняются, когда люди перестают верить?» и «что происходит, когда история больше не работает?».

От частного нарратива к массовому

В книге «Прикладная нарратология» мы видели, как нарратив управляет жизнью отдельного человека, его выбором профессии, отношением к телу, времени, возрасту, удовольствию, ответственности. В политике происходит то же самое, но в масштабе общества.

И здесь особенно важен один переход: то, что в частной жизни выглядит как привычка или личный выбор, в политике становится нормой, а затем – обязанностью.

Индивидуальный нарратив можно изменить. И политический можно, но это гораздо труднее. Потому что за таким нарративом стоят не только сами слова и их конструкции, но и целые институты, санкции, ритуалы, ожидания и коллективные эмоции.

Когда власть сильнее там, где её не видно

Самые устойчивые формы власти действуют незаметно. Они не требуют постоянных приказов. Люди сами знают, как «правильно» думать, говорить, чувствовать и повторяют нужные формулы, пристыживают за отклонения, объясняют происходящее только в допустимых терминах; испытывают страх, и не столько перед наказанием, сколько перед исключением.

Механика власти – это не только контроль действий. Это контроль всего, что сопровождает действия – интерпретаций, темпа, пауз и тишины.

О чём эта часть

В следующих главах мы будем говорить не о «злых режимах» и не о «плохих лидерах». Мы будем разбирать почему власть признаётся законной, как она теряет право на рассказ, почему образ будущего важнее памяти о прошлом, как обещания превращаются в контракт, почему лидер становится персонажем, как ритуалы заменяют содержание, почему язык власти усложняется и почему тишина пугает власть сильнее, чем протест.

И всё это не разоблачение – это анатомия и физиология власти.

Зачем понимать механику власти

Понимание механизмов, анатомии или физиологии не делает человека свободным автоматически, но оно даёт шанс не быть полностью слепым. Тот, кто не видит, из чего состоит и как работает власть, почти неизбежно начинает объяснять происходящее языком самой власти.

Эта часть книги – попытка вернуть читателю дистанцию между событием и его объяснением, между решением и его оправданием, между реальностью и историей, в которую её упаковывают. Потому что власть начинается там, где объяснение перестаёт быть предметом обсуждения.

И именно с этого – с вопроса о легитимности – мы и продолжим.

Глава 11. Легитимность: почему подчиняются

Тиран имеет лишь два глаза, две руки, одно тело – и ничего сверх того, кроме той силы, которую вы ему отдаёте.
Этьен де Ла Бюсси

Подчинение как загадка

Самый интересный вопрос, которым задается политика – это не о формах принуждения и насилия, а о формах непринужденного согласия.

История знает бесчисленное количество режимов, в которых миллионы людей подчинялись приказам, законам, ограничениям и жертвам, не находясь под постоянным физическим принуждением. Более того – часто они защищали эту власть, оправдывали её, воспроизводили её язык и наказывали тех, кто в ней сомневался.

Если власть – это только страх, то почему она держится годами, десятилетиями, иногда столетиями, даже когда страх ослабевает?

Почему люди подчиняются не только из-под палки, но и добровольно?

Ответ на этот вопрос – легитимность.

Легитимность – не законность

В обыденной речи легитимность часто путают с законностью. Но это разные субстанции: законность – это формальное соответствие правилам, а легитимность – это признание этих правил.

Можно иметь абсолютно законную власть, которая не воспринимается как «своя». И можно иметь власть, нарушающую формальные процедуры, но принимаемую как необходимую и оправданную.

Легитимность – это не столько юридическая категория, сколько психологическое и нарративное состояние общества, в котором подчинение кажется разумным, неизбежным и правильным.

Именно поэтому вопрос «почему подчиняются?» нельзя решить ссылками на конституции, суды или процедуры. Это все решается в пространстве историй.

Вебер и три источника веры

Макс Вебер предложил классическую типологию легитимности: харизматическую, традиционную и рационально-правовую. Её часто пересказывают механически, как учебный список, но за ней скрывается важная мысль.

Все три формы – это не типы власти, это – типы веры.

Люди подчиняются, потому что верят в личность, в порядок, в процедуру. Не одновременно и не обязательно осознанно, но верят.

Харизма, традиция и рациональность – это разные нарративы оправдания подчинения, разные истории о том, почему именно эта власть допустима.

Харизма: власть исключительности

Харизматическая легитимность возникает там, где власть связывается с личностью. Не с институтом, не с правилом, а с конкретной фигурой, которая кажется исключительной.

Харизматический лидер – это персонаж истории, в котором концентрируются ожидания, страхи, надежды и проекции. Ему приписывают особое видение, судьбу, миссию, связь с будущим или прошлым. Он может нарушать правила – и именно это, как это не парадоксально, будет считаться доказательством его силы.

Но харизма нестабильна, она живёт, пока поддерживается историей успеха. Неудача разрушает её мгновенно.

Именно поэтому харизматическая власть либо быстро институционализируется, либо безвозвратно разрушается.

Традиция: власть привычки

Традиционная легитимность – самая тихая и самая устойчивая. Она не требует восторга и ей достаточно привычки.

Люди подчиняются, потому что «так было всегда», «так принято», «так устроен мир». Здесь не нужно объяснять каждое решение – достаточно сослаться на порядок вещей.

Традиция – это нарратив, в котором время работает на власть, а прошлое выступает аргументом.

Но у этой формы легитимности есть своя слабость: она плохо переживает резкие изменения. Когда мир ускоряется, традиционный нарратив начинает выглядеть архаичным и быстро терять убедительность.

Рациональность: власть процедуры

Рационально-правовая легитимность строится на вере в правила. Не в людей и не в прошлое, а в процедуры. Здесь подчиняются не потому, что любят власть, а потому что считают систему в целом справедливой или, по крайней мере, предсказуемой.

Законы, выборы, суды, регламенты – всё это элементы нарратива, в котором власть выглядит безличной и потому якобы нейтральной.

Но рациональность тоже требует веры. Как только процедуры начинают восприниматься как фикция, эта форма легитимности рушится быстрее всех.

Легитимность как история о справедливости

Во всех формах легитимности есть общий элемент: они рассказывают историю о справедливости. Справедливость может пониматься по-разному: как воля лидера, как верность традиции, как соблюдение правил. Но без ощущения справедливости подчинение становится хрупким.

Человек может терпеть неудобства, ограничения и даже страдания, если они встроены в историю, где есть справедливость.

Когда эта история справедливости исчезает, остаётся голое принуждение. А оно долго не работает.

Подчинение как участие

Один из самых опасных мифов – представление о подчинении как о пассивном состоянии. На самом деле подчинение – это форма участия. Человек всегда участвует в воспроизводстве власти, когда повторяет её язык, когда объясняет её решения, когда оправдывает её ошибки, когда осуждает сомневающихся. Он участвует даже тогда, когда внутренне цензурирует себя.

Легитимная власть экономит ресурсы, потому что люди делают часть её работы сами. Именно поэтому легитимность – главный капитал власти. Армия, полиция и законы – это необходимо для её функционирования, но это вторично.

Когда подчинение становится нормой

Самый устойчивый момент легитимности – когда вопрос «почему мы подчиняемся?» перестаёт возникать. В этот момент власть превращается в удобный фон. Она не обсуждается, не проблематизируется, не осознаётся как выбор.

Люди начинают воспринимать порядок как естественный, а альтернативу – как опасную, наивную или безответственную.

Это и есть пик нарративной силы.

Трещины в легитимности

Легитимность не исчезает внезапно. Она подтачивается постепенно. Сначала появляется несоответствие между историей и опытом, потом – сомнение, потом – цинизм. И только затем – открытый конфликт.

Когда власть продолжает рассказывать одну и ту же историю, а реальность всё меньше и меньше в неё укладывается, подчинение себе начинает требовать всё больших усилий.

Именно этот момент мы будем разбирать дальше – в главе о том, как власть теряет право на рассказ.

Почему это важно понимать

Понимание легитимности – это способ не путать подчинение с необходимостью, а порядок – с истиной. Человек, который видит, как возникает вера во власть, перестаёт воспринимать её как естественный фон, даже если он удобный.

Он может всё ещё продолжать подчиняться – но уже осознанно. А осознанное подчинение, как минимум, менее опасно, чем слепое.

Потому что легитимность – это не то, что власть имеет раз и навсегда. Это то, что общество каждый день подтверждает или отказывается подтверждать.

И в этом – скрытая точка свободы, с которой и начинается политическое мышление.

Глава 12. Когда власть теряет право на рассказ

*Власть слабеет тогда, когда её объяснения становятся длиннее,
чем терпение общества.
Современная аналитическая формула*

Потеря власти начинается не с бунта

Принято думать, что власть падает из-за восстаний, переворотов, экономических катастроф или внешнего давления. Но это уже финальная стадия.

Настоящий кризис власти начинается раньше – в тот момент, когда её история перестаёт работать. Когда люди ещё подчиняются, но уже не верят, когда слова продолжают звучать, но больше не вызывают ни отклика, ни поддержки. Когда язык власти остаётся прежним, а внутреннее согласие масс исчезает.

Власть может сохранять контроль над институтами, армией, экономикой, но если она теряет право на рассказ, она начинает существовать в режиме отсроченного распада.

Что значит «право на историю»

Право на историю – это не формальность, это согласие общества воспринимать интерпретации власти как допустимые.

Власть обладает этим правом, пока её объяснения выглядят правдоподобными, совпадают с повседневным опытом, дают смысл происходящему, обещают будущее или хотя бы объясняют его отсутствие.

Как только эти условия нарушаются, возникает разрыв между словами и реальностью. И именно такой разрыв является началом конца.

Несоответствие как первый симптом

Потеря нарративной силы начинается с микротрещин. Люди замечают, что официальные объяснения больше не совпадают с тем, что они видят и переживают. Что язык власти становится либо слишком оптимистичным, либо слишком абстрактным, либо откровенно оборонительным.

Появляется ощущение фальши. Не обязательно лжи – именно фальши.

Здесь важно понять различие: люди могут долго мириться с ложью, если она вписана в убедительную историю. Но они не переносят бессмысленность.

Повторение без убеждения

Один из характерных признаков умирающего нарратива – навязчивое повторение. Власть начинает говорить одно и то же чаще, громче, настойчивее. Эффект оказывается обратным. Повторение перестаёт укреплять веру и начинает её разрушать.

Слова звучат как заклинание, которое больше не действует. Формулы остаются, но их энергия утрачена. Это момент, когда власть ещё не осознаёт критичность момента, но уже интуитивно пытается удержать свой контроль над интерпретацией.

Цинизм как массовое состояние

Следующая стадия – цинизм. Цинизм не равен протесту и он на короткой дистанции даже удобен власти.

Циничный человек не верит, но и не сопротивляется. Он приспосабливается, иронизирует, дистанцируется, живёт «частной жизнью», повторяет фразу «все одинаковые», но именно этот цинизм разрушает нарратив изнутри.

Когда общество массово перестаёт воспринимать слова всерьёз, любая мобилизация становится невозможной. Ни страх, ни надежда, ни призывы больше не могут работать как прежде.

Нарративный вакуум

Самое опасное состояние для власти – отсутствие истории. Когда власть утрачивает право на рассказ, возникает вакуум смысла. Происходящее больше не объясняется, не связывается, не оправдывается. Появляются слухи, альтернативные версии, теории заговора, фрагментарные объяснения, эмоциональные всплески.

Власть может пытаться заполнить вакуум силой, но сила не создаёт смысла. Она лишь временно подавляет хаос.

От объяснения к принуждению

Когда нарратив перестаёт работать, власть начинает опираться на контроль. Усиливается регламентация, растёт количество запретов, расширяется язык угроз и наказаний. Объяснение уступает место требованию.

Это критический момент: власть всё ещё существует, но уже не как история, а как давление. Именно здесь происходит качественный перелом – подчинение перестаёт быть внутренним и становится внешним.

Почему сила не заменяет рассказ

Ни один режим не может долго существовать только на страхе. Страх истощает и он требует постоянного подкрепления. Он не создаёт лояльности – всего лишь временное послушание.

Без истории власть вынуждена всё время доказывать себя заново – репрессиями, демонстрациями силы, жёсткими мерами. Это дорого, нестабильно и опасно.

История же фантастически экономит ресурсы, заставляя людей подчиняться добровольно. Именно поэтому потеря права на рассказ – уже стратегическое поражение.

Конкурирующие истории

Как только официальный нарратив слабеет, появляются альтернативы. Они могут быть маргинальными, радикальными, наивными и опасными, утопическими или разрушительными. Но их объединяет одно – они заполняют пустоту.

В этот момент власть уже не контролирует пространство смыслов – она становится одной из сторон в конкуренции интерпретаций.

Это принципиально новая ситуация, даже если внешне всё выглядит вроде стабильно.

Иллюзия восстановления

Ошибка, которую часто допускает власть – попытка «вернуть прежний нарратив». Но истории никогда не возвращаются в прежнем виде – изменен контекст времени, опыт людей, ожидания смещены.

Попытка говорить старым языком в новой реальности усиливает ощущение оторванности и неадекватности. Право на рассказ нельзя восстановить чисто механически, процедурно. Его можно или пересобрать, или потерять окончательно.

Когда общество перестаёт слушать

Ключевой момент кризиса – не уличный протест и не революция, а равнодушие. Когда слова власти больше не вызывают ни гнева, ни поддержки, ни споров, когда люди просто перестают реагировать.

В этот момент история закончилась. Осталась только её форма. И дальше возможны разные сценарии – резкий обвал, медленное угасание, замена сюжета, внешнее вмешательство. Но все они начинаются с одного и того же – утраты нарративного права.

Почему это важно для понимания политики

Понимание того, как власть теряет право на нарратив, позволяет увидеть кризис раньше, чем он становится видимым. Не по экономическим показателям, не по опросам и рейтингам. А по языку, тону, повторениям, реакции общества.

Политическая нарратология учит слушать не то, что говорят, а как всё это перестаёт работать и теряет способность существовать. И именно это понимание позволяет перейти к следующему вопросу – образу будущего как главному ресурсу власти.

Потому что там, где исчезает будущее, исчезает и согласие. С этого мы и продолжим дальше.

Глава 13. Образ будущего как главный ресурс

Единственное, чего нам стоит бояться, – это самого страха.
Франклин Рузвельт

Будущее как источник подчинения

В политике редко побеждает тот, кто лучше объясняет настоящее. Побеждает тот, кто убедительнее описывает будущее.

Экономические показатели могут быть слабыми, институты – изношенными, элиты – непопулярными, но если власть способна удерживать образ будущего, она сохраняет главный ресурс – терпение общества.

Будущее в политике – это не календарная категория, а психологическое пространство, в котором человек соглашается жить сегодняшними трудностями, если верит, что они ведут к желаемому смыслу.

Там, где есть образ будущего, настоящее становится переносимым. Там, где его нет, даже стабильность начинает восприниматься как неизбежная ловушка. Именно поэтому борьба за будущее – центральная ось любого политического нарратива.

Почему прошлое не мобилизует без будущего

Политика часто апеллирует к прошлому: великие победы, утраченная справедливость, «золотые времена», национальная травма, историческая миссия. Но прошлое само по себе не способно удерживать общество в движении. Прошлое объясняет, кто мы были. Будущее отвечает на вопрос, зачем нам продолжать это.

Даже самый мощный миф происхождения не выдерживает, если не связан с перспективой. Память без проекта превращается в ностальгию, а ностальгия – в стагнацию. Человек может долго жить воспоминанием, но не может долго терпеть ради воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.